

Регион: экономика и социология, 2011, № 1, с. 50–70

РЕСУРСНЫЙ ДЕФИЦИТ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК УГРОЗА МОДЕРНИЗАЦИИ

З.И. Калугина

ИЭОПП СО РАН

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Президиума СО РАН
(междисциплинарный интеграционный проект № 8 и субпроект № 1,
включенный в программу фундаментальных исследований Президиума
РАН № 30 «Экономика и социология знаний»)*

Аннотация

Представлен анализ ресурсного обеспечения воспроизводства человеческого потенциала в региональном и отраслевом разрезах. Показано место России в мире по уровню человеческого развития. Установлено, что большинство россиян из-за низкой оплаты труда не располагают достаточными ресурсами для воспроизводства человеческого потенциала, а государственные расходы на развитие системы образования, здравоохранение, культуру не компенсируют недостаток индивидуальных вложений. Опираясь на работы известных экономистов, автор пытается ответить на вопрос, возможно ли разорвать порочный круг «низкая производительность труда – низкая оплата труда», и определить приоритеты социальной политики, адекватной вызовам времени.

Ключевые слова: инновационное развитие, развитие человеческого потенциала, технологическая модернизация экономики, социальная политика

Abstract

The author presents her analysis of the resource supply for reproducing human potentials both in regions and sectors. The international comparative position of Russia in human development is shown. The author concludes that most of Russians, due to their low wages or salaries, have not enough resources available to human reproduction while the public expenditures on education, healthcare and culture do not cover the lack of individual investments. The author, being based on the works of well-known economists, tries to answer the question whether a vicious circle of «a low labour productivity – low wages and salaries» could be destroyed and whether priorities of Russian social policy addressing contemporary challenges could be found.

Keywords: innovation development, human development, modernization of economy, social policy

Инновационный сценарий развития как безальтернативный в эпоху глобальных вызовов предполагает развитие человеческого потенциала как главной составляющей национального богатства и основной движущей силы экономического роста, гораздо более важной, чем природные ресурсы или накопленное богатство. Это означает, что человек рассматривается не только как объект социальной политики, но и как субъект, предпринимающий активные действия по отношению к своему здоровью, образованию, профессиональной деятельности. Однако низкий уровень жизни большинства населения не обеспечивает индивидуальное инвестирование в здоровье, образование, культуру, достаточное для развития человеческого потенциала. В этих условиях возрастает роль государственных инвестиций в человеческий капитал путем развития системы здравоохранения, образования, культуры и спорта. Задача бизнеса состоит в адекватной оплате физического и интеллектуального ресурса, а также в создании благоприятных условий труда на предприятиях.

УСЛОВИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РОССИИ

Согласно расчетам Всероссийского центра уровня жизни, минимальный потребительский бюджет, в денежном выражении равный

примерно двум прожиточным минимумам (ПМ), позволяет на минимальном уровне удовлетворять потребности человека в питании и приобретении более широкого набора непродовольственных товаров и платных услуг, чем в составе прожиточного минимума, и обеспечивает **восстановительный уровень потребления**. Бюджет высокого (по современным стандартам – среднего) достатка, равный примерно 6 ПМ и выше, позволяет удовлетворять рациональные физические и духовные потребности населения и обеспечивает **развивающий характер потребления** [1]. Иными словами, потребительские бюджеты отражают стандарты потребления социальных групп, различающихся уровнем материального достатка. Доходы бедных позволяют им сводить концы с концами и вынуждают их самим производить часть продуктов питания и одежды, широко применять собственный труд в домашнем хозяйстве. Более обеспеченные слои по мере роста доходов стремятся облегчить свой домашний труд и отказаться от собственного производства, а в перспективе – покупать все необходимые товары и услуги. Качественные изменения в потребительском поведении слоев с более высокими доходами отражаются в их стремлении получить более качественное образование и услуги здравоохранения, превышающие уровень бесплатных государственных гарантий. То есть эти группы населения располагают доходами, позволяющими им тратить больше средств на образование, профессиональный рост и развитие [2].

По данным всероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (шестая волна), проводимого Центром социокультурных изменений Института философии РАН, проблема доступности качественного медицинского обслуживания: большие очереди, недостаточная профессиональная квалификация врачей, дороговизна лекарств – одна из наиболее острых проблем, волнующих россиян. Доли респондентов, отметивших эти недостатки, составляют соответственно 41, 35 и 23%. Индекс доступности образования (разница между долей положительных и долей отрицательных ответов + 100) по всероссийскому массиву составил 98, что означает превалирование отрицательных ответов. Причем наиболее остро эту проблему ощущают лица с низким материальным достатком и люди, не занимающие руководящие посты. Только в двух верхних материальных слоях

(из шести) индекс доступности образования превысил 100, у руководителей он составил 166 [3]. Такая ситуация вполне объяснима, если учесть, что примерно 60 студентов из 100 обучаются на платной основе, что предопределяет неравные стартовые условия для молодежи из разных доходных и социальных слоев общества.

Исходя из вышеизложенного отношение величины доходов какой-либо социальной группы к минимальному потребительскому бюджету может рассматриваться в качестве соответствующего индекса воспроизводства человеческого потенциала.

Расчеты *отраслевого индекса воспроизводства человеческого потенциала* в Российской Федерации показали, что в 2008 г. развивающий бюджет имели только работники финансовой сферы и добывающих производств. Заработная плата работников обрабатывающей промышленности, строительства, транспорта обеспечивала простое воспроизводство человеческого потенциала. Заработная плата работников сельского хозяйства и непромышленных отраслей была ниже минимального потребительского бюджета, что не позволяло им даже на самом минимальном уровне восстанавливать свой человеческий потенциал (рис. 1).

Иными словами, все, кто лечит, учит, кормит и обслуживает население, не располагают достаточными ресурсами для повышения своего общеобразовательного уровня, квалификации и для полноценного отдыха. Представители этих отраслевых групп больше озабочены тем, чтобы найти дополнительные источники дохода для своей семьи. Практика такова, что большинство врачей, учителей, многие работники других обслуживающих отраслей, как правило, трудятся на полторы-две и более ставки. А ведь от работы этих специалистов зависит качество человеческого потенциала не только работающего населения, но и подрастающего поколения.

Если коммерческий сектор – это зона ответственности бизнеса, то бюджетная сфера – это зона государственной ответственности. Государство располагает таким действенным инструментом регулирования доходов, как социальная политика. В целом только 3% занятых имели заработную плату, обеспечивающую развивающий тип потребления, а абсолютное большинство занятых на свой заработок могли лишь вос-

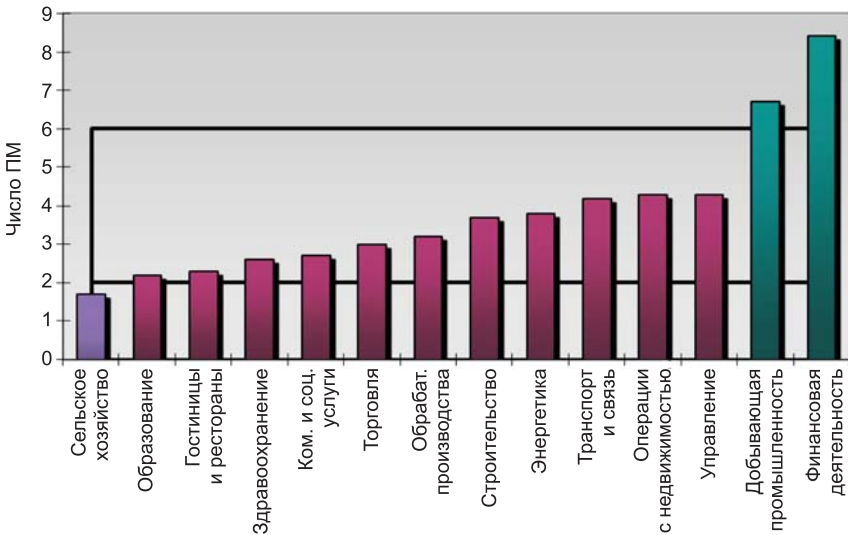

Рис. 1. Индекс воспроизводства человеческого потенциала по видам экономической деятельности, Российская Федерация, 2008 г.

Рассчитано по: [4]

становливать свою работоспособность. Работники сельского хозяйства, являющиеся постоянными аутсайдерами на шкале заработной платы, не располагали и такими ресурсами. Несмотря на положительные тенденции последних лет, заработная плата работников сельского хозяйства остается ниже минимального потребительского бюджета, который обеспечивает воспроизводство рабочей силы на восстановительном уровне и составляет примерно 45% от средней заработной платы по всей экономике. В 2008 г. средняя номинальная заработная плата в экономике страны увеличилась по сравнению с предшествующим годом. Однако это не существенно отразилось на условиях воспроизводства человеческого потенциала, так как душевые денежные доходы населения ниже и составляют примерно 0,8 от уровня заработной платы. Негативные последствия такой ситуации очевидны.

Структура потребительских расходов селян с высокой долей затрат на питание и низкой – на оплату услуг (39,1 и 21,2% соответ-

ственно против 29,1 и 22,4% в городской местности) свидетельствует о бедности сельского населения. Если в городской местности затраты на организацию отдыха и культурные мероприятия в I кв. 2009 г. составляли 6,2% потребительских расходов семьи, то в сельской – 4,2%, а затраты на образование – соответственно 1,9 и 1,8% [5].

Распределение населения по размеру среднедушевых денежных доходов и располагаемых ресурсов показывает высокую долю среди сельских жителей крайне бедных и малоимущих (рис. 2).

Характерным является изменение величины располагаемых ресурсов, в которые включаются натуральные поступления из личного подсобного хозяйства, по доходным группам. Снижение этой величины у средне- и высокодоходных групп сельского населения свидетельствует о вынужденном характере ведения личного подсобного хозяйства. Как только у сельской семьи появляются иные источники денежных доходов, она существенно сокращает свое личное подсобное хозяйство.

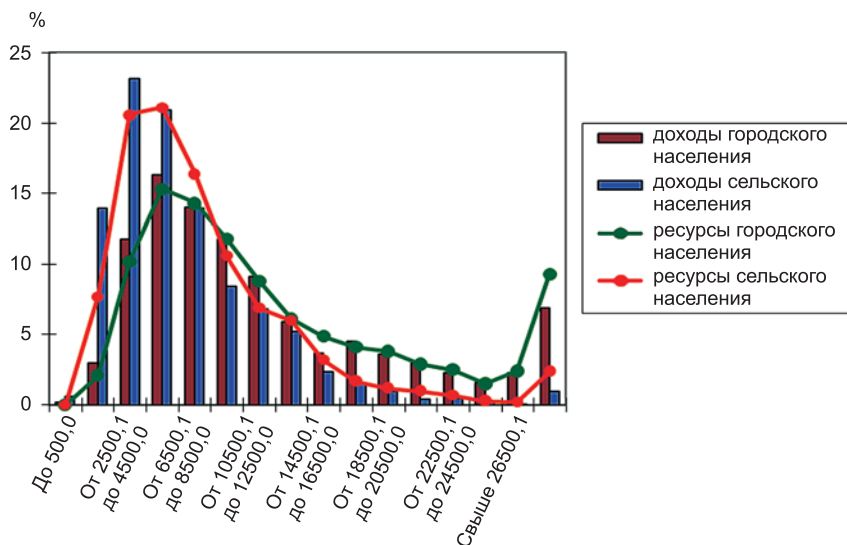

Рис. 2. Распределение городского и сельского населения РФ в I кв. 2009 г. по величине среднедушевых денежных доходов и располагаемых ресурсов в месяц

Рассчитано по: [5]

Таким образом, условия воспроизводства человеческого потенциала у сельского населения заметно хуже, чем у городского, что отражается на уровне образования, доходов и продолжительности жизни. Так, к середине 1990-х годов практически исчезли различия между продолжительностью жизни городского и сельского населения (соответственно 64,7 и 64,2 года). К началу 2000-х годов средняя продолжительность жизни селян была заметно ниже, чем у горожан, и составила у мужчин 57,8 года, а у женщин 71,2 года, тогда как у городского населения – соответственно 59,2 и 72,3 года. В середине 2000-х годов эта разница не сократилась.

Неблагоприятные тенденции характеризуют и динамику уровня образования работников сельского хозяйства [6]. Как известно, образованное молодое поколение вымывается из деревни. Дефицит высококвалифицированных кадров ощущают большинство регионов и сельскохозяйственных предприятий. Если же ориентироваться на технологическое обновление аграрного производства, на развитие социальной инфраструктуры, без чего немислимо будущее деревни, то острота проблемы очевидна. Чтобы обеспечить расширенное воспроизводство человеческого потенциала (на уровне нынешних стандартов) по всем видам экономической деятельности, средняя номинальная заработная плата должна быть повышена не менее чем вдвое, а в отраслях социальной сферы и сельском хозяйстве – как минимум в 3 раза.

Наши расчеты, сделанные на основе данных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, показали, что в I кв. 2009 г. примерно 62% городских и 87% сельских жителей Российской Федерации имели среднедушевые денежные доходы ниже минимального потребительского бюджета (10166 руб.)*, а значит, не располагали достаточными ресурсами даже для восстановления своего человеческого потенциала. То же соотношение по величине среднедушевых располагаемых ресурсов составило 59 и 81% [5]. Такая ситуация обусловлена тем, что примерно половина общей величины доходов сосредоточена в пятой, наиболее обеспеченной, группе населения и примерно столько же приходится на все остальные группы (рис. 3).

* Прожиточный минимум в РФ в I кв. 2009 г.: все население – 5083 руб., трудоспособное население – 5497, пенсионеры – 4044, дети – 4857 руб.

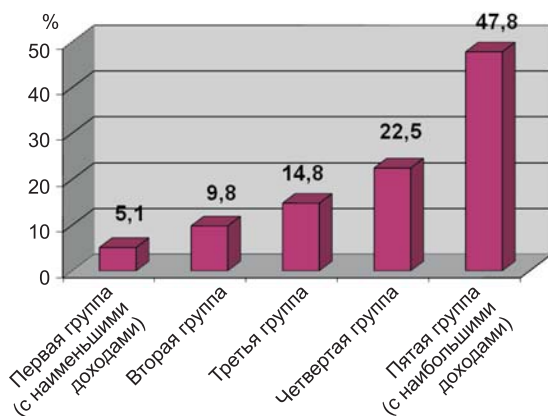

Рис. 3. Распределение общей величины доходов населения РФ в 2009 г. по 20%-м группам

Рассчитано по: [7]

Одной из причин столь высокой дифференциации доходов является избыточная дифференциация оплаты труда, остающейся одним из главных источников формирования доходов населения. Исследования Института социально-экономических проблем народонаселения РАН показали, что к настоящему времени в России сложился механизм форсированного роста наиболее высоких зарплат, когда 50–60% прироста оплаты труда идет на ее повышение у 20% наиболее высокооплачиваемых работников при наличии структурных диспропорций, проявляющихся в более низкой оплате высококвалифицированного труда по сравнению с менее квалифицированным. В результате средняя заработная плата 10% наиболее высокооплачиваемых работников превышает заработную плату 10% наименее оплачиваемых в 26–28 раз [8].

Сложившаяся система оплаты труда в коммерческом и государственном секторах экономики, а также проводимая государством политика формирования и распределения доходов привели к невиданному социальному расслоению общества. С годами пропасть между богатыми и бедными в современной России только увеличивается: коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) вырос с 0,289 в 1992 г. до 0,422 в 2009 г. [7]. По мнению академика Д.С. Львова, это

стало возможным потому, что «новый “класс” менеджеров-директоров и управляющих акционированными предприятиями был, по существу, выведен из-под общественного контроля и юридической ответственности за эффективность использования принадлежащих этим предприятиям активов. Один из стратегических собственников корпоративных предприятий – государство – устранился от управления принадлежащим ему имуществом» [9].

Вину за то, что менеджеры, управленцы не могут обуздать свои аппетиты, нельзя перекладывать только на бизнес. А где же государство? Ведь в его руках такой действенный инструмент регулирования доходов, как налоговая политика. Депутаты, ученые, практики, представители общественности не перестают доказывать целесообразность перехода от плоской системы налогообложения доходов физических лиц к прогрессивной. Но наше правительство игнорирует эти доводы. Кстати, Россия – одна из немногих стран мира, где применяется плоская шкала налогообложения. Переход на прогрессивную систему налогообложения – мощный механизм регулирования доходов, способствующий более равномерному распределению налогового бремени между бедными и богатыми, а также стимулирующий формирование структуры населения по уровню доходов близкой к показателям, признанным в большинстве промышленно развитых стран наиболее предпочтительными с социальной и экономической точек зрения. Это соотношение среднего дохода 10% самых богатых граждан относительно 10% самых бедных в пределах 6–8 раз. При этом десятикратное превышение признается критическим, при котором в обществе возникает чрезмерная социальная напряженность. Поэтому доходы налогоплательщика сверх десятикратной величины, принятой за уровень доходов «бедных», должны облагаться не «благоприятным», а «ограничивающим» налогом. Расчеты специалистов показывают, что при действующей системе налогообложения бремя неизбежных платежей для наименее и наиболее обеспеченных слоев населения существенно различается. Если сравнить налогоплательщиков с ежемесячными доходами 5, 30, 60 и 100 тыс. руб., то при соотношении их доходов 1:6:12:20 соотношение средств, остающихся у них после совершения неизбежных платежей (в свободном распоряжении), составляет соответственно 1:20:42:72, а бремя не-

избежных платежей у самого бедного (доход – 5 тыс. руб./мес, бремя – 76,6%) больше, чем у самого богатого (доход – 100 тыс. руб./мес, бремя – 16,2%) в 4,7 раза [10].

Необоснованные социальные неравенства порождают социальную напряженность в обществе, приводят к дезинтеграции и противостоянию общественных сил и в конечном счете превращаются в социальную угрозу национальной безопасности. Не случайно поэтому снижение уровня социального и имущественного неравенства населения в доктрине национальной безопасности страны рассматривается в качестве важнейшей стратегической цели.

Помимо налогообложения у государства имеется и другой рычаг воздействия на формирование человеческого капитала, а именно, государственные вложения в развитие здравоохранения, образования и культуры. Однако статистика свидетельствует о том, что эти вложения недостаточны, для того чтобы компенсировать недостаток индивидуальных вложений, обусловленный низкой оплатой труда. Так, по данным за 2006 г., государственные расходы на здравоохранение в расчете на душу населения составили в России 404 долл. США (по ППС), что было в 6–7 раз меньше по сравнению с развитыми странами: в США – 3074 долл., во Франции – 2833, в Канаде – 2585, в Германии – 2548, в Италии – 2022 долл. США. Доля затрат на здравоохранение в общих государственных расходах в России составила 10,8%, а в указанных странах – соответственно 19,1; 16,7; 17,9; 17,6; 14,2%. Такая ситуация не могла не сказаться на ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения: если в развитых странах этот показатель варьировал от 72 до 76 лет, то в России, по оценкам международных экспертов за 2007 г., он составил всего 65 лет [11].

По мнению академика С.Ю. Глазьева, сохранение в России двукратного по отношению к мировому уровню недофинансирования науки, образования и здравоохранения – сфер, в которых именно сейчас критически важно провести модернизацию и кардинально поднять зарплату, приведет к углублению необратимых тенденций их деградации и тем самым сделает реализацию инновационного сценария в принципе невозможной [12].

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УСЛОВИЯХ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

По уровню развития человеческого потенциала в настоящее время выделяют четыре группы стран. По итогам за 2007 г. в первую группу – с очень высоким уровнем (более 0,9) индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) входит 38 стран. В первую десятку этой группы стран входят Норвегия, Австралия, Исландия, Канада, Ирландия, Нидерланды, Швеция, Франция, Швейцария, Япония, у которых ИРЧП варьирует в интервале от 0,902 до 0,971. Вторая группа – с высоким ИРЧП (более 0,8) включает 45 стран, в том числе и Россию. Самую многочисленную группу образуют 75 стран со средним ИРЧП (от 0,5 до 0,8). В группу стран с низким ИРЧП (менее 0,5) входит 24 наиболее отсталые страны мира [11].

Россия занимает 71-е место в мире по уровню ИРЧП, который у нашей страны равен 0,817. Несмотря на положительные тенденции, Россия еще не достигла уровня предреформенного 1990 г., когда ИРЧП равнялся 0,821. Перемещение России в 2004 г. в группу стран с развитым ИРЧП и закрепление в ней в последующие годы объясняется ростом ВВП на душу населения. Другие частные индексы внесли незначительный вклад в эту динамику. Для России характерно атипичное сочетание высокого уровня образованности населения, относительно низкого показателя душевого дохода и чрезвычайно низкой продолжительности жизни. Это единственная страна, в которой не зафиксирована связь между уровнем образования и благосостоянием трудящихся. Особую тревогу вызывает чрезвычайно низкая ожидаемая продолжительность жизни россиян, составляющая, по данным за 2007 г., 66,2 года. Это самый низкий показатель (исключая Казахстан) в группе стран с развитым ИРЧП. По оценкам международных экспертов, каждый десятый россиянин (10,6%) из когорты 2005–2010 гг. имеет вероятность не дожить до 40 лет [11].

Для большинства регионов Сибири характерна недостаточная ресурсная обеспеченность воспроизводства человеческого потенциала, что отражается на уровне его развития. Достаточно сказать о масштабах бедности в сибирских регионах. По данным за 2006 г., только два

региона Сибири – Томская область и Красноярский край имели ИРЧП выше среднероссийского уровня. Томская область занимает третье место после Москвы и Санкт-Петербурга в рейтинге готовности регионов России к созданию информационного общества и электронного правительства, который составляется Мининформсвязи России и Институтом развития информационного общества. Красноярский край имел более высокие индексы дохода и душевого ВРП, но уступал по показателям средней продолжительности жизни населения и индексу долголетия. Самый высокий индекс образованности населения среди регионов России был зафиксирован в Новосибирской области, которая по этому показателю уступает лишь Москве и Санкт-Петербургу, но занимает более низкие позиции по индексу дохода и душевого валового продукта.

Три сибирских региона – Читинская область, Республика Алтай и Республика Тыва входят в шестерку регионов России с самым низким ИРЧП. Практически все сибирские регионы имеют более низкие показатели долголетия, на их территориях фиксируются зоны экстремально высокой смертности среди мужчин (в Тыве мужчины доживают до 48–51 года, причем в сельской местности – до 46–50 лет) и широкого распространения социальных болезней. Основные причины высокой смертности населения – недопустимо низкий уровень жизни, неблагоприятные природно-климатические условия, сложная экологическая ситуация, низкая социальная и территориальная доступность качественных медицинских услуг и зон отдыха. Наиболее бедственное положение наблюдалось в Республике Тыве, Республике Алтай и Читинской области, которые в 2006 г. по индексу развития человеческого потенциала занимали соответственно 80-е, 78-е и 75-е места в рейтинге регионов РФ. Одна из причин – сохранение высоких масштабов бедности населения.

Несмотря на положительные тенденции последних лет, в 2008 г. доля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, во всех регионах Сибирского федерального округа (СФО), за исключением Кемеровской области, была выше, чем в России в целом (рис. 4). При этом в Республике Тыве, Республике Алтай и Республике Бурятия уровень бедности превышал 20%-ю отметку. Во всех субъектах

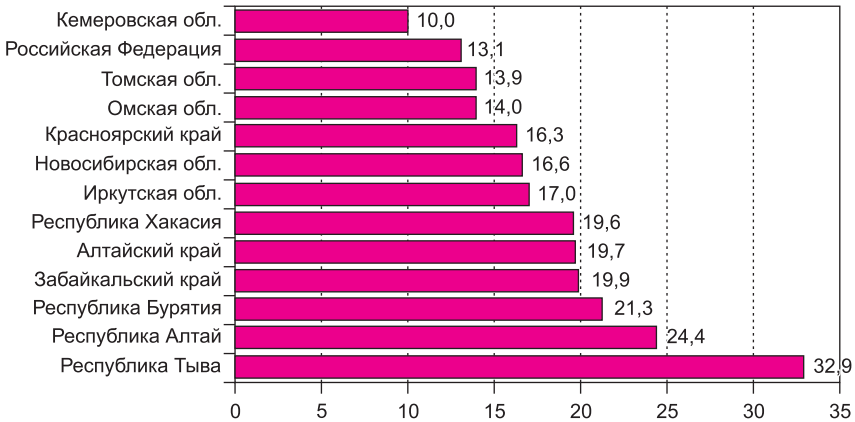

Рис. 4. Уровень бедности в регионах Сибири, 2008 г., %

СФО среднедушевые месячные доходы населения были ниже среднероссийского уровня. Только Красноярскому краю начиная с 2007 г. удалось по этому показателю достичь уровня РФ. Причем в Республике Алтай и Республике Тыве среднедушевые доходы населения были ниже величины минимального потребительского бюджета. Это говорит о том, что население этих республик не имеет возможности воспроизводить свой человеческий капитал даже на самом минимальном уровне за счет собственных ресурсов. Эти республики, по существу, представляют собой зоны социального бедствия и истощения человеческого капитала.

В силу вышеуказанных причин доля сибиряков, проживающих на территориях с низким уровнем развития человеческого потенциала, выше по сравнению со среднероссийскими показателями (рис. 5).

Таким образом, отсутствие условий для расширенного воспроизводства человеческого капитала можно рассматривать как угрозу национальной безопасности, так как низкий уровень развития человека является тормозом как для инновационного прорыва, так и для преодоления демографического кризиса в стране. Наличие таких угроз – это то исключительное событие, о котором говорил Мишель Фуко, когда вмешательство государства необходимо.

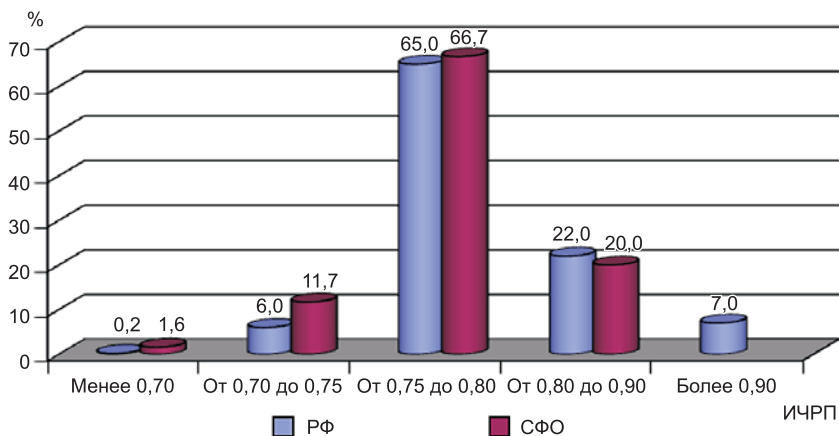

Рис. 5. Распределение населения РФ и СФО по регионам с разным уровнем развития человеческого потенциала, 2006 г.

Рассчитано по: [11; 13, с. 128–131; 14, с. 57].

Каков же выход из сложившейся ситуации? Во-первых, необходим радикальный разворот государственной социальной политики в следующих направлениях:

- ориентация на интенсивное развитие инновационного сектора экономики наряду с развитием традиционного экспортно-сырьевого сектора как способ преодоления зависимости социального благополучия страны и ее регионов от наличия природных ресурсов;
- увеличение количества высокооплачиваемых рабочих мест и усиление мотивированности населения к повышению своей конкурентоспособности на рынке труда вследствие расширения инновационного сегмента экономики;
- опережающие инвестиции в развитие социальной инфраструктуры и развитие человека;
- взимание части природной ренты на реализацию крупных региональных социальных программ. Ключевой задачей региональных властей являются создание институциональных, ресурсных и организационных условий для реализации стратегии раз-

вития, а также мониторинг этапов ее осуществления и достигаемых результатов;

- переход на новые, взаимоувязанные социальные стандарты, предполагающие согласование минимальной оплаты труда, пенсий, стипендий с прожиточным минимумом, при условии приведения в соответствие прожиточного минимума и реальной стоимости жизни в регионах страны;
- сбалансированное распределение социальной ответственности между государством, бизнесом и населением при ведущей роли государства в обеспечении минимальных социальных гарантий;
- формирование институтов страхования социальных рисков на основе партнерства государства, бизнеса и населения [15].

Во-вторых, нужны новая парадигма развития экономики и новая экономическая теория, адекватные вызовам времени. Согласно традиционным экономическим учениям, экономика должна базироваться на снижении издержек, и в первую очередь за счет заработной платы. На Западе такой путь к экономическому росту называют «нижний путь» (low road). В эпоху экономики знания и инновационных сценариев развития необходимо переходить на «верхний путь» (high road) достижения экономического роста путем создания новых продуктов и технологий, обеспечивающих прорывные направления в развитии экономики [16]. Чем масштабнее будет высокотехнологичный сегмент экономики, тем масштабнее будет и сегмент высокооплачиваемых рабочих мест.

Пока же при имеющейся технологической отсталости у России нет шансов достичь уровня передовых стран по производительности труда (рис. 6). В этой ситуации государство должно в значительной степени взять ответственность на себя и создать такие институциональные условия, которые вынуждали бы отечественный и иностранный бизнес вести на своих предприятиях активную инвестиционную политику, направленную на техническое перевооружение производства и внедрение базовых инноваций.

По мнению академика Д.С. Львова, ВВП России при нынешней системе его расчетов является заниженным в 1,8–2,2 раза. Соответственно, сегодняшние расчеты производительности труда по ППС

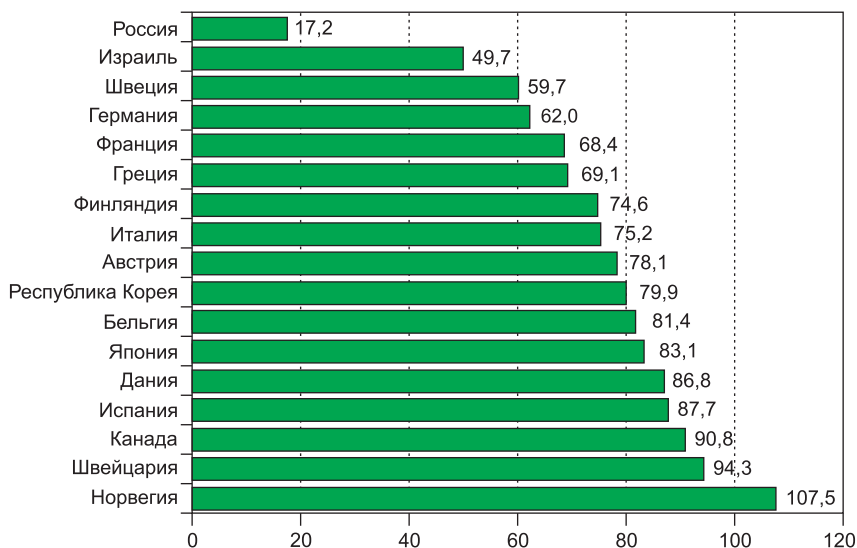

Рис. 6. Валовое накопление основного капитала на душу населения за 2005 г. в России и странах ОЭСР, % (США = 100)

Источник: [4]

дают заведомо заниженную оценку по отношению к США как минимум в 1,5 раза. Если по производительности труда мы отстаем от Америки в 5–6 раз, то по заработной плате – в 10–12 раз и более. Заработная плата в России является низкой не вообще, а недопустимо низкой по отношению к производительности труда. Поэтому удвоение или даже утроение средней заработной платы и, соответственно, размера пенсий и пособий является первоочередной задачей для России [9]. Согласно расчетам профессора С.С. Сулакшина, разрыв между США и Россией по производительности труда составляет 3,6 раза, а по оплате труда – 9,6 раза, соответственно, ресурс повышения оплаты труда – 2,6 раза [17]. Специально выполненные исследования и расчеты известных экономистов [18, 19] подтверждают выводы вышеупомянутых авторов.

Необходимость реформы заработной платы в России академик А.Г. Аганбегян [20] обосновывает также настоятельной потреб-

ностью снижения социальной нагрузки на предприятия и государство за счет освобождения бюджета от части социальных расходов, которые могли бы формироваться из заработной платы и доходов граждан при условии их поэтапного увеличения:

- первый этап – повышение заработной платы на 15% при 10%-х отчислениях на накопительные пенсии;
- второй этап – повышение заработной платы примерно на 20–25%, переход на рыночные расценки квартплаты и коммунальных услуг;
- третий этап – повышение зарплаты еще на 10% при 6%-х отчислениях на страховку по здравоохранению, при условии что предприятие будет уплачивать такую же часть.

В целом номинальная заработная плата, по расчетам А.Г. Аганбегяна, может быть повышена в 1,7 раза, но структура ее расходования изменится: 20% составят налоги, включая налог на недвижимость; 20% – оплата услуг ЖКХ; 10% – отчисления на накопление пенсий; 6% – отчисления на медицинское страхование. Повышение заработной платы будет стимулировать рост производительности труда, замену человеческого труда машинами и механизмами, освобождение предприятий от вспомогательных и побочных производств [20].

К.К. Вальтух [21] предлагает иную, более жесткую мобилизационную стратегию решения проблемы. Его предложения включают экстраординарное наращивание капитальных вложений, приведение хозяйственного механизма в соответствие с требованиями осуществления государственной инвестиционной стратегии, перевод быстро возрастающей части трудовых ресурсов в инвестиционную сферу, установление для всех предприятий независимо от формы собственности лимита занятости. Формирующийся на каждый год всероссийский фонд заработной платы постепенно, во все возрастающем объеме переводится из действующих предприятий и организаций в инвестиционную сферу. Банкам (частным – под угрозой лишения лицензий) запрещается выдавать предприятиям и организациям средства на оплату труда сверх лимита. Аргументы автора таковы: «основная часть современных российских предприятий реально убыточны»;

«ресурсы таких предприятий действительным капиталом не являются, а их собственники не являются капиталистами»; «соответственно они не могут вести себя как капиталисты»; «частный капитал – ни отечественный, ни иностранный – не может на себя взять необходимое обновление российского производственного аппарата»; «задача такого обновления может быть решена только в порядке государственной инвестиционной деятельности» [21, с. 40–41].

Мы согласны с выводами К.К. Вальтуха об актуальности разработки и реализации государственной инвестиционной стратегии, но вызывают серьезные возражения два сформулированных им принципиальных положения. Первое – это рассмотрение фонда заработной платы работников в качестве основного, если не единственного, источника финансирования государственных инвестиционных программ в России.

В предшествующем изложении перечислены негативные последствия недостаточности ресурсного обеспечения человеческого развития, которая сказывается не только в ухудшении качественных характеристик человеческого капитала, но и в ужасающих масштабах естественной убыли россиян за годы реформ. За 1992–2005 гг. только за счет превышения смертности над рождаемостью Россия потеряла свыше 11 млн чел. В период 1992–1999 гг. естественная убыль в среднем составляла 700 тыс. чел. ежегодно, в 2000–2005 гг. – около 900 тыс. чел. Ни одна другая страна не имела таких потерь населения в мирное время [22]. Преодолеть демографический коллапс не удалось до сих пор, хотя темпы естественной убыли россиян несколько сократились. Чрезвычайная демографическая ситуация в стране обусловлена как отсутствием до последнего времени внятной государственной политики, так и социальной безответственностью бизнеса, который не склонен инвестировать собственные средства ни в основную, ни в человеческий капитал.

Исходя из этого предлагаемый вариант модернизации экономики за счет населения чреват непредсказуемыми социальными последствиями, а сама идея обновления производственного аппарата за счет сокращения инвестиций в развитие человеческого капитала идет вразрез с общемировыми тенденциями.

Между тем существуют и иные источники формирования инвестиционного фонда страны: перераспределение природной ренты, грамотная финансово-кредитная и тарифная политика государства, уменьшение масштабов вывоза капитала за рубеж, сокращение нерациональных государственных расходов [9, 12, 23]. Известно, что в противовес мировой закономерности увеличения расходов государства на выполнение его современных функций (развитие интеллектуально-человеческого потенциала, что предполагает расходы на образование, здравоохранение, науку и экономическое развитие), в России большая часть государственных расходов идет на выполнение традиционных функций (оборона и правопорядок): на эти цели тратится примерно 6% ВВП, что почти на 25% превышает среднемировой показатель. При этом на выполнение современных функций наше государство тратит в 6 раз меньше – около 3,5% ВВП. Иными словами, в России соотношение расходов на традиционные и современные функции государства составляет 1,7:1, что соответствует государству образца не XXI, а XIX в. [12, 24].

Второе положение К.К. Вальтуха касается неспособности частного капитала, отечественного и иностранного, взять на себя необходимое обновление российского производственного аппарата. Можно ли изменить оппортунистическое (по отношению к обществу) поведение частного капитала? Задача эта непростая, если учесть «долговременное снижение доли инвестируемой прибыли как противодействие тенденции нормы прибыли к понижению» [25, с. 246–276]. Для преодоления этой защитной стратегии капитала потребуются ужесточение институциональных условий, в частности выработка «механизмов изъятия и превращения потенциальных рентных доходов в реальные доходы государства и инвесторов», стимулирующих общественно целесообразное поведение бизнеса [26, 27].

Следовательно, только согласование интересов государства, бизнеса и населения, возможное при развитых институтах гражданского общества, может изменить существующую практику явного лоббирования интересов ограниченного круга олигархических групп и крупных «государственных» корпораций и обеспечить справедливое распределение социального бремени модернизации между всеми участниками

процесса. А пока выполненный анализ ресурсного обеспечения воспроизводства интеллектуального потенциала страны наглядно показал, что поведение двух ключевых игроков на социальном поле в лице бизнеса и государства вряд ли можно назвать социально ответственным в связи с недооценкой и хищнической эксплуатацией человеческих ресурсов.

Литература

1. **Бобков В.Н., Литвинов В.А., Гулюгина А.А., Зубрилин Ю.В.** Основные показатели доходов и уровня жизни населения по федеральным округам Российской Федерации во II квартале 2006 г. // Мониторинг доходов и уровня жизни населения. – 2006. – № 2.
2. **Бобков В.Н.** Трудное выздоровление России // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 3. – С. 8–18.
3. **Беляева Л.А.** Уровень и качество жизни: проблемы измерения и интерпретации // Социс. – 2009. – № 1. – С. 33–42.
4. **Российский** статистический ежегодник. 2009. – М.: Росстат, 2009. – 795 с.
5. **Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в I квартале 2009 года: По итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств.** – М.: ФСГС, 2009. – 73 с.
6. **Калугина З.И.** Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 115–135.
7. **Россия** в цифрах. 2010: Крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2010. – 558 с.
8. **Социально-демографическая** безопасность России / Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2008. – 864 с.
9. **Львов Д.С.** Россия: границы реального и контуры будущего: Доклад на заседании секции экономики РАН [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/06/679/31.html> (дата обращения 22.12.2010).
10. **Чичилёв М.Е.** К вопросу об альтернативе плоской и прогрессивной шкал налогообложения доходов физических лиц // Финансовый вестник. – 2007. – № 17. – С. 29–49.
11. **Доклад** о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008. – М., 2009 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/statre/2009/10/06/2192> (дата обращения 22.12.2010).
12. **Глазьев С.Ю.** Возможности и ограничения социально-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике: Научный доклад. – М., 2008 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ane.ru/documents/doklad-oon-ran.pdf> (дата обращения 19.01.2010).
13. **Доклад** о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2006/2007 // Регионы России: цели, проблемы, достижения / Программа развития ООН. – 2007. – 145 с.

14. **Регионы** России: Социально-экономические показатели. – М.: ФСГС, 2007. – 991 с.
15. **Экономика** Сибири: стратегия и тактика модернизации. – Москва; Новосибирск: Анкил, 2009. – 320 с.
16. **Экономика** знаний / Отв. ред. В.П. Колесов. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 432 с.
17. **Чистяков В.М.** Сегодняшний кризис в мире и в России (Материалы IX Глобального стратегического форума «Глобальный ландшафт: стратегии после кризиса», 7–9 декабря 2009 г., г. Москва) // *Актуальная статистика Сибири*. – 2009. – № 4. – С. 52–56.
18. **Губанов С.** Новая целевая задача и условия ее решения // *Экономист*. – 2008. – № 3. – С. 3–21.
19. **Половинкина Н.** Неравномерность распределения и экономическое развитие // *Экономист*. – 2010. – № 5. – С. 47–63.
20. **Аганбегян А.** Кризис: беда и шанс для России. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009. – 285 с.
21. **Вальтух К.К.** Технологическое обновление экономики и капиталовложение // *Вестник Российской академии наук*. – 2007. – Т. 77, № 1. – С. 33–42.
22. **Россия** и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 748 с.
23. **Меньшиков С.М.** Анатомия российского капитализма. – М.: Международная, 2004. – 432 с.
24. **Рогов С.М.** Функции современного государства: вызовы для России // *Свободная мысль*. – 2005. – № 8. – С. 82–94.
25. **Рыженков А.В.** Теоретические модели больших циклов капиталистического накопления в Италии // *Проблемы инновационного развития России* / Отв. ред. В.Н. Павлов, Л.К. Казанцева. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – С. 246–276.
26. **Крюков В.А., Токарев А.Н.** Нефтегазовые ресурсы в трансформируемой экономике: О соотношении реализованной и потенциальной общественной ценности недр (теория, практика, анализ и оценки) / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Наука-Центр. – 2007. – 588 с.
27. **Крюков В., Шафраник Ю.** Нефтяная промышленность России и финансовый кризис: Ошибки благополучных лет, вызовы текущего момента и ориентиры будущего развития // *Политический класс*. – 2009. – № 2 (50). – С. 32–44.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 18.11.2010 г.

© Калугина З.И., 2011